

ГАТЧИНА И ГАТЧИНЦЫ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ (1914 – 1918)

Очерк третий

ГАТЧИНА В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ

Жизнь города срочно перестраивалась на военный лад. Несмотря на то, что Гатчину покинули почти все воинские части её гарнизона, на улицах по-прежнему можно было видеть много офицеров. Это были призванные на военную службу и выполняющие обязанности в военных учреждениях города жители Гатчины, врачи и административный персонал развёрнутых в городе военных госпиталей, а также офицеры формирующихся в городе и его окрестностях новых воинских частей.

Почти каждая гатчинская семья молилась за ушедших на войну своих близких. Те, кто могли, внимательно читали появляющиеся на страницах газеты «Русский инвалид» именные списки убитых, раненых и без вести пропавших. Молились и за тех, кто, застигнутый войной за границей, оказался оторван от своей Родины. Так, о судьбе уважаемого многими горожанами аптекаря Кесслера долгое время ничего не было известно его жене Соломите Абрамовне, служительнице Гатчинской лечебницы для хронически больных детей. А вот обучающаяся при Парижском университете Ольга Генриховна Ольдерогге, дочь уже покойного бывшего старшего врача Кирасирского полка доктора Генриха Ольдерогге, каким-то образом сумела вскоре сообщить в Гатчину, что принуждена вместе со своей соученицей, тоже гатчинкой, Тамарой Михайловной Петровой (позднее она станет женой Бориса Генриховича Ольдерогге) остаться в Париже.

На многих служебных и жилых зданиях города начали появляться флаги Красного Креста – знаки того, что здесь расположились военные госпитали или лазареты. Гатчина постепенно превращалась в город, где одновременно могли лечиться несколько сотен раненых воинов.

Госпиталь в Сиротском институте

7 сентября 1914 года, в воскресенье, на проспекте Павла I, в одном из помещений Сиротского института состоялось освящение «Госпиталя (в ряде документов – лазарета) чинов Ведомства учреждений Императрицы Марии для раненых воинов» на 65 кроватей. По распоряжению Императрицы Марии Фёдоровны одна из кроватей будет содержаться за счёт пожертвованных 36-ю воспитанниками и тремя воспитателями Сиротского института денег, заработанных ими на земляных работах по укреплению позиций вокруг города.

На открытии Госпиталя присутствовали: доктор Григорий Григорьевич Надеждин, старший врач Городового госпиталя; назначенный старшим врачом нового лазарета доктор Александр Дмитриевич Любимов, бывший старший врач Сиротского института; хирург детской больницы принца Ольденбургского в

Петрограде Гейкинг; врач-ассистент Госпиталя, почётный лейб-медик доктор Николай Николаевич Калинин. В помещениях нового госпиталя царили чистота и порядок. Устроена хорошая операционная, установлен рентгеновский аппарат (!).

Из церкви Института был совершен крестный ход по проспекту Павла I вновь открытый лазарет. На молебствии здесь присутствовали, кроме указанных выше лиц, прибывших с крестным ходом, раненые нижние чины, служители Института и Женской гимназии при нём, представители города. Молебен с водоосвящением совершал причт институтской церкви при хоре певчих из воспитанников института. По окроплении лазарета святой водой, был совершен обряд поднятия флага на здании вновь открытого учреждения. При поднятии флага оркестром из воспитанников института исполнен народный гимн, а затем принесённые из церкви Института святыни крестным ходом возвратились туда же.

Старшим врачом госпиталя назначен, как сказано выше, доктор Александр Дмитриевич Любимов. Его помощницей стала только что окончившая обучение в медицинском институте врач-интерн Нина Сергеевна Двужильная. По совпадению, её девичья фамилия была тоже Любимова. Муж её, Михаил Юрьевич Любимов, служил в Петрограде присяжным поверенным и присяжным стряпчим.

Старшей сестрой милосердия назначена Мария Ипполитовна Дружинина – потомственная гатчинка; младшими: Екатерина Маркова и Галина Маркова – дочери надзирателя лазарета Сиротского института отставного полковника Николая Николаевича Маркова; Вера Любимова – дочь старшего врача Сиротского института; Анна Здрайковская; Евгения Михайловна Гейштор – дочь директора Сиротского института генерал-майора Гейштора.

Тщательно продуман распорядок питания больных: в 12 часов – обед из 2 блюд, в 4 часа – чай, около 8 часов – ужин из 2 блюд. Всё это – для нижних чинов, а питание офицеров, коих здесь 15, будет ещё лучше.

В тот же день, 7 сентября, в Гатчину прибыл поезд, в котором для нового лазарета доставлены первые 20 раненых нижних чинов. При раненых находились главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией по учреждениям Императрицы Марии статс-секретарь Булыгин и другие чины этого ведомства. Прибыв в Гатчину, раненые в сопровождении санитаров из воспитанников Института, были перевезены с вокзала в лазарет в экипажах, предоставленных для этого случая Императорской Охотой.

Временно исполняющим обязанности старшего врача Сиротского института назначен младший врач

Ф.С. Огурцов

Мартинсен, а его место вскоре занял Красовский. В лазарете института в это время служил фельдшер Фёдор Сергеевич Огурцов, до Гатчины бывший фельдшером лейб-гвардии Гусарского полка в Царском Селе. Этот стройный, высокий и весёлый человек скоро стал своим не только среди служителей лазарета Сиротского, но и среди медиков других учреждений города. Был он, как и подобает настоящему гусару, нахал, любитель анекдотов про купцов и царскую фамилию, но ...не курил и не пил спиртного. Люди, знавшие его в те годы, припомнили лишь один случай, когда он выпил немного вина.

А в новый лазарет при Институте скоро начали прибывать и раненые офицеры. В ноябре здесь лечился капитан Николай Иванович Перский.

В приюте-санатории на Красносельском шоссе срочно оборудовалось помещение для 10 раненых, сверх прежних призреваемых, ещё участников войны с Японией.

Доктор Надеждин сообщил, что имеется уже 2.500 рублей, собранных на постройку платформы в Гатчине. Есть и ещё деньги, полученные от домовладельцев. Но и на этот раз устройство платформы временно отложено. А платформа была необходима, чтобы сократить путь доставки раненых от военно-санитарных поездов до лазаретов.

12 сентября, в пятницу, прошло освящение лазарета для раненых, организованного Всероссийским земским союзом в земской больнице. 30 кроватей было развернуто в помещениях терапевтического барака, ещё 30 – в доме, предназначавшемся для врача больницы. Присутствовали гласные уездного земства Надеждин и Варадинов. Поднят флаг Красного Креста. Под руководством врача Антона Ивановича Глембоцкого в лазарете трудились: переведённый из Старосквирицкого фельдшерского пункта фельдшер Владимир Францович Барилка-Барилкевич; фельдшер Фома Иванович Байко и акушерка Вера Григорьевна Вербенко, исполняющая в лазарете обязанности фельдшера.

В самой же земской больнице функционировали: амбулатория; заразное отделение на 2 кровати; родильное отделение на 3 кровати. Помощь больным подавали: врач Лидия Николаевна Красикова; фельдшер Илья Яковлевич Кузнецов; фельдшерица-акушерка Мария Андреевна Сергеева; акушерка Мария Ивановна Днепровская.

23 сентября на проспекте Павла I, в помещениях лазарета Кирасирского полка (нынешний Военный госпиталь), состоялось освящение и открытие эвакуационного лазарета Императрицы Марии Фёдоровны. Прибыли местные медики: доктор Иван Фёдорович Шевченко и врач Константин Антонович Котон из Городового госпиталя; доктор Александр Дмитриевич Любимов из Сиротского института. Руководить лазаретом приглашен почётный лейб-медик доктор Калинин, а врачами – санитарный врач Придворной медицинской части доктор Попов и врач Котон. Персонал сестёр милосердия был выбран из первого выпуска курсов при Гатчинском госпитале Дворцового ведомства. Попечитель лазарета – полковник Николай Николаевич Крестьянов, попечительница – жительница Гатчины София Дмитриевна фон Рейер, завхоз – её муж, полковник Армин Карлович фон Рейер, служивший во Дворце. Новый лазарет предназначен для 53 нижних чинов и 7 офицеров. Поднят флаг Красного Креста.

Старшей сестрой лазарета назначена Ольга Клавдиевна Тихомирова, самая опытная из сестёр, ибо служила в сей профессии около десяти лет, будучи сестрой отделения для лечения хронических и рожистых больных

Обуховской больницы в Петербурге. Младшими сёстрами назначены: Елена Константиновна Гаврилюк, жена лейтенанта флота Владимира Васильевича Гаврилюка, живущая на Багговутовской улице, 15; баронесса Юлия Львовна Жирар-де-Сукантон, дочь генерал-майора Свиты Его Величества; Евгения Иосифовна де Лазари, жена находящегося на фронте воспитателя Сиротского института ротмистра Александра Николаевича де Лазари, живущая в здании института; Евгения Новицкая; Елизавета Дельсаль; баронесса Ольга Михайловна Черкасова, жена поручика Кирасирского полка барона Дмитрия Павловича Черкасова, Багговутовская, 10. Операционной сестрой была назначена Колокольцева. Весь штат лазарета имел счастье 19 сентября быть представленным в Елагином Дворце Императрице Марии Фёдоровне. Присутствовал там и гатчинский купец Верёвкин, который принимал деятельное участие в организации сего лазарета.

28 сентября освящался лазарет, организованный на средства живущей на Елизаветинской улице, 28 вдовы генерал-майора, Маргариты Александровны фон Дерфельден, и живущих на Константиновской ул., 11 Анастасии Александровны Майковой и её мужа, действительного статского советника Владимира Аполлоновича Майкова, одного из сыновей известного поэта Аполлона Николаевича Майкова. Лазарет сей, получивший имя Наследника Цесаревича, расположился в отдельном флигеле на Александровской улице, 39. Здесь было приготовлено 12 кроватей для нижних чинов. Под лазарет отведено 7 комнат, в 4 из которых находились кровати. Заведывать вызвались доктора Калинин и Попов. Сёстры приглашены из первого выпуска курсов при Городовом госпитале.

Лазарет в доме Куприна

В тот же день, 28 сентября 1914 года, Е. М. Куприной открыт лазарет на 10 кроватей в доме её мужа, писателя Куприна. Сестрой милосердия и заведующей стала сама Елизавета Морицовна, имеющая опыт ухода за ранеными ещё на полях сражений Русско-японской войны и награжденная тогда двумя медалями. О том, как готовилось открытие сего лазарета можно узнать из статьи некоего Василия Р. «В домашнем лазарете А. И. Куприна», помещенной в «Биржевых Ведомостях» за 28 августа текущего года:

«Белый с красным крестом флаг – знамя милосердия – развевается над домом А. И. Куприна в Гатчине.

– Так что они-с в сёстры милосердия записались, – заметил извозчик, подвозя меня к воротам зимней дачи писателя.

– Кто, они?

– А ...Лександра Иваныч. Каждый день на вокзал ходят, раненьких солдатиков на первую помощь к себе заманивают... Да, вишь, начальство говорит, что Лександру Иванычу лечить срок ещё не вышел!... А ему не терпится. Добрая душа!...

В самом деле, – уютной квартиры Куприна не узнать. От кабинета писателя только и остался портрет Льва Толстого, с его собственноручной надписью.

Г-жа Куприна обмакивает кисточку в ведёрко с какой-то сероватой жидкостью и окрашивает большой бельевой шкаф в белый цвет, и тут же примостилась её маленькая дочка, с неумолимой серьёзностью помогающая своей матери. Ксенюша полирует белой «гигиенической» краской маленький детский шкафчик, предназначенный для аптечки, а сам хозяин занят той же лихорадочной работой над спальными столиками.

Скоро кабинет А. И. превратился в чистенькую, сияющую белизной палату. Установлены десять кроватей с матрацами и подушками, – эту часть оборудовал гатчинский Красный Крест. У каждой койки по столику, на которые Куприн заботливой рукой расставляет графины, кружки для воды и... пепельницы.

– Вот не знаю, – вздыхает А. И., – разрешат ли здесь папиросы курить, – какое ещё я могу представить развлечение для больных воинов. Разве что, – книжки будем читать им вслух?

Разрешение Куприну на устройство лазарета было дано сразу после того, как жена его заявила о своём желании лично заведывать этим уголком. Г-жа Куприна, оказывается, работала в качестве сестры милосердия в японской кампании, проведённой ею от начала войны до последнего дня, и заслуги её в этом деле были отмечены целым рядом соответствующих знаков отличия.

– Вначале, – говорит г-жа Куприна, – мы предполагали совершенно выехать из своего дома и предоставить его под лазарет целиком. Но мне указали, что наш личный присмотр был бы желательней, тем более, что опыт мой в деле ухода за ранеными, надеюсь, может сослужить достаточную службу. Вся домашняя прислуга моя с радостью приняла известие о превращении нашей квартиры в лазарет и распределила между собой функции: кто будет следить за аккуратным, по предписанию врача, питанием больных; кто – стирать бельё на них; кто – письма под диктовку писать; кто – ванны готовить...

Точно так же приспособляется под помещение для раненых столовая и другие комнаты дома, за исключением одной, в которой приютится семья писателя. Тут же и рабочий стол хозяина, за которым он только что набросал стихотворение...

Куприн с дочерьми

Перед отъездом от А. И. я был свидетелем одного эпизода, за внешней комичностью которого скрывалась необычайная трогательность... Из детской вышли две девочки, с забинтованными платками головками. Подхватив детей под руки, медленно вела их маленькая Ксения.

– Что это означает?

– А это я учу своих подруг и сама учусь, как надо нянчить больных солдатиков, – со святым глубокомыслием объяснила прелестная девочка!

Под знамена милосердия, как и под боевые, идут и взрослые, и дети...»

Интересные подробности деятельности лазарета в доме Куприна приводит Н. Кручинин в той же газете «Биржевые Ведомости» за 16 октября:

«Дачу А. И. Куприна в Гатчине, на Елизаветинской улице, теперь можно узнать издали, домов за тридцать, по огромному белому флагу с красным крестом, вывешенному у калитки палисадника. На дверях железная доска гласит, что здесь – отделение гатчинского лазарета.

Хозяева потеснились. Теперь они занимают только половину просторной дачи. Другая – отдана под палаты для раненых солдат, под «операционную» и т. д. Возле дачи – женские фигуры в белом... И Куприн, который только что вернулся из своей поездки в Западный край, и его семейство очень довольны своими пациентами, десятью рядовыми, прибывшими сюда из Сувалок.

Все они разных полков, и в этом смысле рассказы их очень разнообразны. Простая обстановка семьи сразу преодолела тот ледок неловкости, который неизбежен при первых соприкосновениях раненых солдат с «не своим братом», интеллигентом. Первые ответы: «так точно» и «никак нет» сменились словоохотливостью и откровенной беседой...

Вся хозяйственная ответственность за больных, помимо обычного надзора представителей Красного Креста, лежит на жене писателя Е. М. Куприной, которая несет добровольные обязанности с лаской и радушием настоящей русской женщины. При больных сиделки и санитары. Маленькая дочь Куприных играет с больными в шашки и в «кончину», – специальную солдатскую игру.

Нередко выздоравливающих посещают и представители местной интеллигенции, и простой народ. Тяжело раненых нет, – большинство накануне полного выздоровления. Все с нетерпением ждут вестей с родины и завидуют тем из своих братьев, которые уже получили из дому ответы на письма, посланные туда из Гатчины. Находятся и доброхотные чтицы и читатели, знакомящие раненых с газетными новостями и литературными произведениями и уходя награждающие солдат «гостинцем».

– На-днях один из них, юморист по существу, насмешил, – рассказывает А. И. – После чтения их наградили лакомствами. Солдат хвастает мне своей сумочкой и говорит:

– Вот сегодня ... заработали!...»

Корреспондент «Биржевых Ведомостей» С. Фрид пишет 21 ноября:

– Куприн живёт в своей «тихой» зимней даче, как и всегда, – так говорил мне в вагоне постоянный гатчинский обыватель.

«Тихая» дача изменилась за эту зиму. Она была уже превращена, месяцев пять тому назад, в «лазарет». Временно «тихая» дача А. И. Куприна опустела совсем, ибо владелец её предпочёл отправиться на войну. Но врачи возвратили писателя обратно в Гатчину...

– Ничего не пишу, – жалуется А. И., – не пишется...

Куприн, как один из выдающихся изобразителей военного быта, не мог остаться равнодушным ко всему происходящему, и это почувствовали перебивавшие в его «тихой» даче воины. Они пишут писателю послания, полные самой искренней теплоты, уважения и любви.

– Если перестанете получать письма, – значит выбыли из строя, – трогательно предупреждают возвратившиеся опять на позиции некоторые из раненых.

И Александра Ивановича охватывает тревога за многих, кто уже перестал посылать весточки о себе. Ежедневно получаемая Куприным корреспонденция приносит десятки писем «оттуда», из окопов, где так ярко пылает пламя надежды на победу. И отблески этого пламени падают на чуткого Куприна и он говорит: «Да, мы победим, и не потому только, что мы сильнее духом немцев, но оттого, что немцы сошли с ума и сохранили при этом логическое мышление, направленное исключительно на увеличение количества пушек и жертв. Писать об этой войне я не могу, ибо происходящее огромное и неизмеримое всяких творческих вымыслов, и никакая писательская фантазия не сможет преодолеть той правды боевой, что происходит там...»

В этой «тихой» даче вся жизнь преобразилась. На письменном столе Куприна письма со штемпелем Красного Креста, переписка с уполномоченными различных земских союзов, да и настольные книги писателя – совершенно иные: тут – «Устав внутренней службы», большой атлас Маркса, «Устав полевой службы», «Наставление для стрельбы из винтовок, карабинов и револьверов», незаконченная рукопись «Драгунская молитва», в которой повествуется о судьбе ротмистра Тулубеева, попавшего в германский плен...».

А вот как вспоминает об этом периоде жизни семьи Куприных дочь писателя Ксения:

«В нашем доме устроили госпиталь. В большую комнату, которая служила нам гостиной и столовой, поставили десять коек, а в соседней маленькой комнате была устроена перевязочная. У солдат были несерьёзные ранения. Мне сшили костюм сестры милосердия, и мама, тоже вспомнив молодость, надела свою форму. Я помогала по мере сил, рассказывала солдатам сказки, играла с ними в шашки.

Старый, но крепкий кирасирский генерал Дрозд-Бонячевский был гатчинским комендантом. Он приехал инспектировать наш госпиталь. Отец вспоминал, что комендант неизменно интересовался тем, что читают солдаты, одобрил «Новое Время» и «Колокол», не терпел «Речи» и «Биржевика».

На дошедшем до наших дней снимке запечатлён заключительный момент инспекции генерал-майора Александра Ивановича Дрозд-Бонячевского – групповое фото на фоне веранды «Зелёного домика». Генерал сидит в нижнем ряду вторым справа. Слева от него – начальница лазарета Елизавета Куприна. Справа от генерала сидит человек с окладистой бородой. Это – священник Александр Александрович Калачев. Во втором ряду крайним справа стоит Куприн. Остальные взрослые лица, не принадлежащие к персоналу и пациентам лазарета, к сожалению, не известны автору.

Лазарет в доме Куприна действовал недолго. Виной тому, как представляется, послужили следующие обстоятельства. В конце 1914 года Куприна мобилизовали и отправили на службу в Гельсингфорс, где он, спустя 7 месяцев, заболел и был помещён в военный госпиталь. Жена и дети прибыли к больному и некоторое время находились рядом с ним. Вскоре все они вернулись в Гатчину. Но тут в их лазарете случилась беда: один из вновь прибывших раненых солдат рказался болен тифом, который в тот год начал свирепствовать в армии. Лазарет закрыли на карантин. Произошло это 19 мая 1915 года. Кстати, дочь писателя, Ксения, успела заразиться и была на волосок

от смерти, но всё закончилось благополучно. Ксения позднее написала в своих воспоминаниях:

«...Но я отлично помню молебен, помню исповедь и причастие, помню, как отец Александр, смазывая меня каким-то маслом, тихонько прошептал:

– Ты посмотри на животик, если у тебя там белые пятнышки, то ты пойдёшь в рай...

После этого отец Александр кропил все углы. В дверях столпились все домочадцы, громко рыдая, а я с любопытством задрала свою рубашонку и к своему успокоению нашла белое пятнышко на животе. Потом началось медленное выздоровление».

Упомянутый выше отец Александр – это Александр Александрович Калачев, настоятель церкви Реального училища и хороший знакомый Куприна, у которого часто бывал в гостях. И совет батюшки Александра больной девочке был дельным: в случае приближения выздоровления у больного тифом на месте заживающей сыпи действительно появляются белые пятнышки.

Куприн, кстати, совсем недавно сделал «последнее напряжение» и совершенно закончил «Яму». В начале 1970-х вашему автору довелось беседовать со старой гатчинкой Евдокией Константиновной, потомком известной в городе почти с его основания фамилии купцов, медиков и чиновников Лытиковых. Два дома Лытиковых, в одном из коих проживала Евдокия

Константиновна, размещались на углу Багговутовской и Соборной улиц. На снимке, сделанном автором в 1973 году, виден дом № 62 (в 1973 году он числился под № 42) Оба дома до наших дней не сохранились, на их месте теперь находится торговый центр.

Лытикова вспоминала, как они с подружкой в 1913 – 1914 годах тайком подбирались к дверям дома напротив (Соборная, 20) и с замирающим от страха сердцем подслушивали как Куприн читал (жаль, неизвестно кому) новые главы своей повести «Яма», которую он в это время заканчивал в Гатчине. А дома напротив были тогда доходными, и в них нанимали квартиры несколько местных врачей.

1 октября Мария Семёновна Збышевская, жена штаб-ротмистра Ксаверия Иеронимовича Збышевского, находящегося ныне в действующей армии, открыла лазарет в их квартире на улице Александровской, 7-а. Здесь 10 кроватей для нижних чинов размещены на 2-м этаже особняка, в двух комнатах по 5 кроватей. Заведующим приглашен ординатор Госпиталя Штудемейстер. Сёстрами милосердия стали: сама Збышевская и жена врача Штудемейстера, София Фёдоровна. Поднят флаг Красного Креста.

2 октября местным комитетом Красного Креста был открыт лазарет на Николаевской улице, 20 в доме баронессы Ольги Александровны Жирар-де-Сукантон на 20 кроватей. Заведывать им приглашен доктор Калинин, обязанности сестёр милосердия исполняли сама баронесса и Евфимия Михайловна Звездинцева из Георгиевской общины. На 2-м этаже громадного особняка расположились: большая палата для 11 нижних чинов; палата для двух офицеров; рядом – перевязочная и ванная, офицерская столовая. Здесь же – вторая палата для двух офицеров. Везде – мягкая мебель, уют.

В тот же день Мария Ипполитовна Дружинина, старшая сестра милосердия лазарета для раненых при Сиротском институте, предоставила в своем доме на Александровской улице, 21 помещение для размещения врачебного пункта для двух раненых.

И в тот же день прибыл на Варшавский вокзал первый санитарный поезд с ранеными. Их направили: в госпиталь Сиротского института, 7-й и 8-й полевые военные госпитали, частные лазареты баронессы Жирар, Куприна, Збышевской. Мальцева, Дерфельден и Майкова. Всего прибыло 34 человека нижних чинов, большинство легкораненых. От Варшавского вокзала по Люцевской и Багговутовской улицам, по Соборной раненых несли на носилках. Санитаров сменяли жители города, старающиеся преподнести раненым скромные подарки.

В земской больнице закончены приготовления к приёму раненых. В доме врача для них имеется 9 комнат. Повсюду чистота и порядок. Вместо ушедшего в Царское Село заведующего Глембоцкого для руководства лазаретом переведен из Тосно врач земского участка Михаил Васильевич Семёнов, родившийся в 1879 году, а врачом ставший в 1907. Вся прежняя служба Семенова проходила в земстве: вначале в селе Вечерлей, Ардатовского уезда, Симбирской губернии, а последние годы – в селе Тосно нашей губернии. Хотя почему проходила? Она, собственно, не прекратилась и сейчас, ибо Семёнов продолжал, наряду с заведыванием лазаретом в Гатчине, исполнять врачебные обязанности и на Тосненском земском медицинском участке Царскосельского уезда.

7 октября около 10 часов утра прибыл на Варшавский вокзал второй эшелон с ранеными нижними чинами и 14-ю ранеными военнопленными

германцами. Все раненые поступили из-под Сувалок. Раненых нижних чинов отправили в Госпиталь и частные лазареты, а военнопленных – в Петроград.

28 октября в Гатчину прибыл уже четвёртый эшелон с ранеными и больными. Размещать их по имеющимся в городе госпиталям и лазаретам

становилось всё труднее, т. к. мест не было. Срочно готовилось открытие новых лазаретов.

К началу ноября в приюте-санатории для нервно-больных воинов (на Красносельском шоссе) было дополнительно развернуто 15 кроватей для раненых, которые уже выздоравливали и не нуждались в постоянных перевязках и надзоре. Теперь здесь находилось 20 человек. Расходы по-прежнему покрывались в основном за счет ассигнований из Капитула Орденов, который ежегодно давал 3.000 рублей. Имелись в приюте-санатории также именные кровати – Наследника Цесаревича и Августейших дочерей Их Величеств.

(Продолжение будет)

ВЛАДИСЛАВ КИСЛОВ